

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 4 (75) 2025

Москва 2025

Калмыцкий научный центр РАН,
Московский педагогический государственный университет,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
С.С. Ипполитов

НОВЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 4(75) ' 2025

Москва

2025

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow Pedagogical State University,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Sergey Ippolitov

***THE NEW PHILOLOGICAL
BULLETIN***

№ 4(75) ' 2025

Moscow

2025

С.Т. Золян (Ереван, Армения)

**ОБРАЗ АДРЕСАТА В «ИСТОРИИ АРМЕНИИ»
МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ¹**

Аннотация

Предметом рассмотрения является внутренний (т.е. требуемый для интерпретации текста) контекст «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, который задан отношением между автором и модельным читателем. В структурной организации «Истории» значительную роль играет описание самой коммуникации – это постоянный мысленный диалог автора с его патроном, князем Сааком Багратуни. Ситуация, когда эмпирический читатель выступает как заказчик, трансформирует привычную схему: не автор выбирает модельного читателя, на которого ориентирован создаваемый текст, а, напротив, эмпирический читатель создает модельного автора, от которого предполагает получить соответствующий его ожиданиям текст. Между тем в данном случае возникает несоответствие между ожиданиями патрона, ориентированными на фольклор и иранскую мифологию, и установками автора, являющегося носителем высокой эллинофильской культуры, и это создает дополнительный сюжет и метатекст. Главной целью и темой обрамляющего нарратив метатекста становится трансформация существующей иерархии: не заказчик диктует свою волю нанятым им исполнителю, а автор преобразует заказчика в персонажа своего повествования, благодаря которому он может ясно выразить свои культурно-исторические установки и опровергнуть противоречащие им заблуждения. Эта перевернутая иерархия – один из важнейших аспектов риторики и поэтики «Истории», благодаря чему акцентируется независимость и объективность историка. Именно с высоты подобной позиции Хоренаци признает князя-венценалагателя армянских царей равным себе – как способного сострадать человека.

Ключевые слова

«История Армении» Мовсеса Хоренаци; образ автора; модельный читатель; наррация; интерпретация; адресат.

¹Исследование выполнено при поддержке Комитета по науке РА в рамках исследовательского проекта № 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности».

S.T. Zolyan (Yerevan, Armenia)

THE IMAGE OF THE ADDRESSEE IN MOVSES KHORENATSI'S “THE HISTORY OF ARMENIA”¹

Abstract

We address the context of the “History of Armenia” by Movses Khorenatsi, especially the relationship between the author and the model reader. In the structural organization of the work, the internal communication plays a significant role, characterized by an ongoing dialogue between the author and his patron, Prince Sahak Bagratuni. The situation when the empirical reader acts as a customer transforms the usual scheme: it is not the author who chooses a model reader to whom the created text is oriented, but, on the contrary, the empirical reader creates a model author, from whom he supposes to receive a text that meets his expectations. However in this case a discrepancy has emerged between the client’s expectations, which are rooted in folklore and Iranian mythology, and the author’s perspective, shaped by a strong appreciation for high Hellenic culture. This divergence has led to the creation of an additional plot and meta-text. The main aim and theme of the metatext framing the narrative is to invert the existing hierarchy. Instead of the patron dictating his will to the contractor, it is the author who transforms the patron into a character and his opposite counter-part within the narrative. This allows the author to clearly express his cultural and historical perspectives while also refuting any misconceptions that contradict those views. Finally, a new relationship is established based on mutual compassion, equating the prince and his historiographer.

Key words

«History of Armenia» by Movses Khorenatsi; image of the author; model reader; narration; interpretation; addressee.

1. Введение: «История Армении» Мовсеса Хоренаци и ее контекст

Общепризнанно, что «История Армении» Мовсеса Хоренаци – наиболее значительный труд из всех средневековых памятников, заложивший основы не только армянской историографии, но и национальной идентичности и формирующей ее исторической памяти. Семиотические и нарративные механизмы «Истории» стали предметом рассмотрения нашей предыдущей публикации [Zolyan 2023; Золян 2024]. В продолжение этой темы мы рассмотрим коммуникативные характеристики «Истории»: представленную в тексте модель взаимодействия между автором и адресатом текста. Важность подобного исследования, помимо ее интереса с точки зрения поэтики текста, определяется и тем, что «История» является предметом, пожалуй, наиболее длительной и острой полемики относительно как авторства и самого автора, так и датировки, поскольку имеющиеся в тексте анахронизмы не дают возможности отнести время создания памятника к V в. Согласно традиционной точке зрения, Мовсес Хоренаци – это историческое лицо, ученик и сподвижник создателей армянской письменности и переводчиков Библии Маштоца и Саака, деятельность которого приходится на вторую половину пятого века. Однако поскольку эти сведения не содержатся нигде, кроме как в самой «Истории» (упоминание злосчастий философа Мовсеса у другого историографа V в., Лазаря Парпепци,

¹The research was supported by the RA Science Committee within the framework of the research project No. 21AG-6C041 “Cognitive, communicative, and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity”.

может служить лишь косвенным свидетельством), то подвергается сомнению и авторство, и само существование этого автора. Упоминания имени и труда Мовсеса у других историографов появляется только в X в., у католикоса Ованнеса V Драсханакертци (время правления: 898–929). Он в первых главах своей «Истории» излагает заимствованное у Хоренаци предание о происхождении армян, а также отсылает к его труду при упоминании войны между армянским царем Аршаком и персидским царем Шапухом: «Жизнь и порядки, мужество и трусость, а также войны их обоих, если это надобно тебе, полностью покажет тебе История Мовсеса Хоренации» («История Армении, гл. 13») [Драсханакертци 1984]. Соответственно, время написания «Истории» ряд исследователей относят к периоду от VI до IX вв. (см. обзор в: [Thomson 1978; Hovannesian 2005]). Промежуточной, в настоящее время наиболее распространенной позицией можно считать подход, принимающий как историчность личности Мовсеса Хоренаци и аутентичность его труда, так и то, что в последующем «История» подвергалась многочисленным конъектурам. (Как предполагается в [Sahakyan 2010], последняя главная из них была сделана в период от третьей четверти IX до первой четверти X в.).

Попытаемся подойти к памятнику с позиций не текстологии, а текстуализации нарративных практик, используя методы реконструирования внутреннего контекста. Исследователи, дискутируя по вопросам датировки, по сути дела так или иначе обращались к контекстным факторам, но скорее исходя из некоторых интуитивных представлений о предполагаемом времени написания «Истории». Однако применительно к случаю с Хоренаци такой подход принципиально не может опираться на какие-либо объективные данные. В теории текста (как и прагматики в целом) разграничивают физический контекст и тот модельный (воображаемый или реконструируемый) контекст, который выводится из текста и необходим для адекватной интерпретации высказывания. Именно этот контекст и образ адресата, как один из его определяющих параметров, будет предметом нашего рассмотрения.

2. Образ адресата: патрон автора и персонаж текста

В структурной организации «Истории» значительную роль играет описание самой коммуникации – это постоянный мысленный диалог автора-историка с его заказчиком, молодым князем Сааком Багратуни. Подобная ситуация заказа кардинально меняет привычную модель коммуникации между автором и читателем. Воспользуемся определением Умберто Эко:

Организуя текст, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор (если он предназначает свой текст для коммуникации) должен исходить из того, что ансамбль применяемых им кодов – такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя, который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком автор их создавал (перевод наш. – С. 3.) [Eco 1979, 7].

Но когда читатель и есть непосредственный заказчик, для которого пишется труд, и без одобрения которого, казалось бы, он не может быть обнаружен, то соотношение меняется: читатель-заказчик, исходя из своих устано-

вок, создает модельного автора и требует от реального автора-исполнителя их воссоздания в тексте. Тем самым в случае исполнения заказа этот эмпирический читатель воспроизводится уже в тексте как его модельный читатель, то есть как ансамбль кодов, требуемых для такой интерпретации, которая была бы аутентична авторской.

Между тем в «Истории» Хоренаци несоответствие между ожиданиями патрона, тяготеющего к фольклору и иранской мифологии, и установками историографа, носителя высокой эллинофильской культуры, становится интригой и дополнительным сюжетом текста: автор отказывается сделать своего патрона модельным читателем, чего требует заказчик – эмпирический читатель. Отступления от повествования создают дополнительный метатекст, в котором темой становится полемика автора с читателем-заказчиком. Возникает постоянный конфликт, воспроизводящий характерный для V в. раскол между культурной ориентацией на Грецию и Византию или же на традиционную армяно-иранскую культуру (напомним: в 387 г. происходит раздел Армении между Византией и Персией. Царская власть продолжала существовать в Западной части Армении до 389 г., а в персидской — до 428 г.).

Диалог между адресатом и адресантом текста служит как обрамляющая структура с собственным сюжетом. Вопросы и запросы князя воспроизводятся историографом по ходу изложения вместе с его ответами, где он указывает как на пределы своих возможностей, так и на адекватность или – большей частью – неадекватность требований адресата. Биография и образ автора создаются посредством комментариев автора о принципах отбора материала, достоверности источников, обращения к собственному жизненному опыту. Трудно увидеть в подобных обращениях какую-либо апологетику князя-заказчика (разве кроме похвал его *пытливому уму*, за то, что он решил узнать свою родословную). Хоренаци проходит мимо и несомненных политических и воинских доблестей князя: уже после излагаемых в «Истории» событий Саак возглавил восстание против персидского владычества и погиб в битве в 482 г.

Отсутствие апологетики в адрес Саака Багратуни и его рода позволяет усомниться в справедливости точки зрения, высказанной еще с трудов Григория Халатяни [Халатянц 1896] и Николая Адонца [Адонц 1901], согласно которой время создания «Истории» должна быть перенесено в VIII–IX вв., время усиления рода Багратуни и обретения им уже не княжеских, а царских полномочий, тогда как в V в. они еще не имели подобной власти. По мнению критиков, «История» Хоренаци должна была послужить оправданием претензий рода Багратуни на царскую власть. Однако это предположение далеко не очевидно, хотя бы потому, что и в V в. Багратиды вовсе не были захудальным родом. Согласно Разрядной грамоте (*Չինհամակ*, *Гахнамак*), Багратиды в V в. занимали второе место в княжеской иерархии, за ними была закреплена функция венценалагателя царей Армении; они играли значительную роль во всех исторических событиях, а сам Саак в 481 г. был назначен правителем Армении [Адонц 1908, 249; Nakobyan 2013]. При этом Хоренаци, воспроизводя и большей частью отвергая требования князя, ни разу не упоминает о его желании или требованиях возвеличить славу своего рода,. В самом тексте нет и следов тому, чтобы Саак Багратуни и его род стали бы объектом апологетики, что никак не подтверждает вышеприведенную гипотезу. Текстуальная функция Саака иная: он выступает как собеседник, непосредственно включенный в процесс наррации и саму наррацию. Саак – не только читатель, для которого пишется труд, он при этом и заказчик, читающий текст по мере его написания

и дающий указания автору, о чем тому следует писать, тем самым претендую еще и на соавторство. Однако Хоренаци следует его наставлениям только в той мере, в какой он сам считает нужным. Напряжение между Я-автором и Ты-адресатом создает обрамляющий сюжет, в котором князь Саак преобразуется в персонажа текста. Саак – первый, кого вводит Мовсес в повествование: «История» начинается с главки *«Ответ на письмо Сахака и обещание выполнить его просьбу»*. Здесь воздается хвала Сааку и его роду. Однако это в то же время и самооценка самого Мовсеса:

Неизбывное струнение на тебя божественной благодати и непрестанное воздействие духа на твои помыслы распознал я в твоей прекрасной просьбе, обретя знакомство с твоей душой прежде, чем с телесным обликом; просьба твоя сродни и моим желаниям и еще более – привычным для меня занятиям. За нее не только хвалить тебя должно, но, и молиться, чтобы ты всегда пребывал таким (1, 1) (здесь и далее цитаты приводятся по переводу академика Гагика Сарксяна [Хоренаци 1990] с указанием книги (части) и главы).

Тем самым уже с первого же предложения автор занимает ту позицию по отношению к адресату, которой будет следовать и далее: из заказчика адресат преобразуется скорее в ученика, Хоренаци готов исполнять только то, что сродни его желаниям и занятиям. Только этим объясняется согласие Хоренаци: «Поэтому я охотно соглашуюсь на твою просьбу и приложу все старания, чтобы осуществить ее и оставить этот (труд) как бессмертный памятник тебе и грядущим после тебя потомкам» (1, 1).

Как видим, не деяния славных предков, а труд Хоренаци обеспечит роду Багратуни бессмертную славу, тогда как сам Саак станет наиболее прославленным из своего рода, как и среди других армянских князей и царей именно за то, что именно он первым предпринял подобную инициативу:

При этом я отмечаю также, что если жившие до нас и нынешние вельможи и правители Армянской страны не повелели мудрецам, вероятно, имевшимся в их окружении, составить такого рода летописи и не подумали прибегнуть для этой цели к помощи чужеземной мудрости, а ты ныне на наших глазах совершаешь все это, то ясно, что именно ты должен быть признан самым возвышенным из всех твоих предшественников, заслуживающим самых высоких похвал и достойным включения в подобные летописи (1, 1).

Хоренаци становится историографом всех армянских княжеских и царских родов, а в целом – Армении и ее народа в связи с мировой историей. Разумеется, уделено внимание и роду Багратуни, но трудно увидеть в повествовании о нем его какое-либо особое возвеличивание по сравнению с другими. Хоренаци повторяет легенду об иудейском происхождении Багратидов, которые еще во времена легендарных Айкидов, «коренных венценосцев нашей страны», оказались в Армении:

Говорят, что в его (царя Храчеа) время жил Навуходоносор, царь Вавилона, уведший в плен иудеев. И он, говорят, выпросил у Навуходоносора одного из пленных иудейских вождей, по имени Шамбат,

привел его и поселил в нашей стране, с большими почестями. Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда (1, 22).

Предание о происхождении из Иудеи было важно для Багратидов, позднее оно стало официальной версией для их грузинской ветви, которая настаивала на их происхождении от царя Давида. Однако в момент написания она еще не утвердилась как основная, существовала и другая версия, возводящая род Багратуни непосредственно к потомкам легендарного прародителя Айка. К ней, по-видимому, склонялся и заказчик: отказом следовать этой версии можно объяснить резкие возражения историографа на возможные намеки князя:

Некоторые не заслуживающие доверия люди произвольно, не считаясь с истиной, утверждают, что твой венцевозлагающий род Багратуни происходит от Хайка. По этому поводу скажу: не верь подобным глупостям, ибо в этих словах нет ни следа или признака правды, ни отдаленного намека на нее; они только и бубнят пустые речи и разные нелепицы про Хайка и про подобных ему. Но узнай, что твое имя Смбат, которым Багратуни часто нарекают своих сыновей, это, по-настоящему, на их прежнем, то есть иудейском, языке Шамбат (1, 22).

Есть точка зрения, что армянские Багратиды не только не приняли версию Хоренаци, но именно из-за нее не позволяли знакомиться с рукописью другим историкам, а если позволяли, то только при условии не оглашать ее [Musheghyan 2007, 442]. Заметим, что при всех расхождениях относительно происхождения Багратидов, современные историки относят их или к армянским, или же урартским князьям (об иудейской гипотезе см. также [Джагапанян 2024]). Возводить происхождение Багратидов из Иудеи было важным для Хоренаци и по идеологическим причинам. Статус венценалагателя Багратиды, согласно Хоренаци, получают уже при первом царе парфянской династии Аршакидов Вагаршаке (2, 3), то есть при язычниках. Возникало противоречие между их высоким статусом и их вероисповеданием. Под давлением армянских царей-идолопоклонников они вынуждены были отказаться от *веры предков (богопочтания)*, но некоторые предпочли мученичество, и это для Хоренаци стало наиболее славным из их деяний:

Мы потом обстоятельно расскажем, каких усилий стоило нашим царям склонить их к идолопоклонству, или сколькие из них и кто именно поплатились жизнью за богопочтание (1, 22; а также: 2, 14).

Пожалуй, наиболее интересным но вместе с тем весьма амбивалентным эпизодом является новелла о Трдате Багратуни, который избил и прогнал строптивую дочь царя, называвшую его *худородным уродом* (2, 63). Вынужденный бежать, он, пленившись красотой наложницы пригласившего его князя Бакура, похищает ее прямо на пиру. Примечательно, что Хоренаци и Багратиды по-разному относятся к действиям Трдата («Зря мы повели рассказ об этом похождении похотливого мужа»). Схожий эпизод с упоминанием Трдата есть и во второй части, и вновь лишь как уступка настойчивым требованиям заказчика: «Рассказать это меня заставила твоя неуместная просьба» (3, 55). Вероятно, это семейное предание было важно для Багратидов как свидетельство их неза-

висимости и смелости, тогда как для Хоренаци – скорее развратности и необузданного своеолия. Ничего более примечательного о предках Багратидах Хоренаци так и не поведал, разве что уже о своем современнике, князе Смбате Багратуни, жестоко наказавшем за отступничество позарившегося на верховенство над Арменией князя Меружана Сюнечи (3, 37). Как видим, истории о Багратидах – это скорее художественные новеллы о сильных и своеольных независимых мужах, умеющих утверждать себя. Но они очень мало говорят и о ценных Хоренаци талантах управления и строительства, которые он видит в первых царях, и о христианских добродетелях современных ему патриархов.

3. Не-текст для адресата

Помимо развертываемой и конструируемой прямо в тексте истории Армении, намечается и другой сюжет – это взаимоотношения между адресатом и адресантом. Расхождения между ожиданиями заказчика и установками Хоренаци становятся предметом особого обсуждения. Молодой князь следит за ходом написания и не-престанно докучает автору своими указаниями. Хоренаци же, следуя собственным представлениям о достоверности повествования, считает нужным обосновать свой отказ:

По этим-то причинам мы поведем рассказ не о родах, учрежденных Тиграном Последним, как бы настоятельно ты ни просил нас об этом, а лишь о достоверно известных нам последующих. Ибо мы сколь возможно избегали излишних речей и прикрас и всего того, что придавало бы словам и мыслям неточность, и по мере сил следовали как в заимствовем, так и в собственном только справедливому и истинному. Так же поступаю и здесь, удерживаясь от потока неуместных слов и от того, что может породить неправильные мнения. А тебя умоляю и теперь, как уже делал многократно, – не принуждай нас к излишнему и к тому, что скудостью или чрезмерностью слов может обратить весь наш большой и достоверный труд в напрасный и ненужный, ибо это нанесло бы вред равным образом и мне, и тебе (2, 64).

Неизвестно, сколько из указаний князя было проигнорировано Хоренаци, но в тех случаях, когда, ввиду *настойчивых слов и просьб* князя (3, 65), это оказывается невозможным, Хоренаци, как мы уже видели ранее, достаточно резко выражает свое несогласие. Именно благодаря *настойчивости* князя в тексте оказались воспроизведены древнейшие образцы армянского и иранского эпоса. Скрытую полемику можно увидеть уже при изложении принципов, которых придерживается Хоренаци, создавая свою «Историографию». Так, этому полностью посвящена вторая глава Первой книги, которая так и называется: «*О том, почему мы предпочли обратиться к греческим (источникам), хотя нашу историю легче вывести из халдейских и ассирийских книг*». Такой подход вытекает из грекофильских взглядов Хоренаци, о которых он прямо заявляет своему покровителю:

Поэтому я не устану называть всю Грецию матерью и кормилицей наук. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в необходимости для нас обращения к греческим историкам (1, 2).

Однако, как видно из многочисленных упреков Мовсеса Хоренаци, Сааку по душе ближе иранские мифы. Отступления и инвективы Хоренаци, в конечном итоге вынужденного откликаться на пожелания заказчика, – дополнительное свидетель-

ство культурной пропасти, разделявших князя и летописца, и, видимо, современное ему армянское общество в целом. Об остроте конфликта может свидетельствовать эпизод о включении (или невключении) легенд о Бюраспи и Аждахаке. Хоренаци подчиняется требованиям патрона, но в знак протesta не включает саркастический пересказ иранских мифов в Первую книгу, а помещает ее в конце, как бы за текстом и вне текста – со следующим крайне эмоциональным комментарием:

Передаю их стародавние сказы, им самим непонятные, вкладывая смысл в их бессмысленность, лишь бы это доставило тебе удовольствие или пользу. Но оцени меру нашего отвращения к этим словесам (по тому), что мы не удостоили включить упомянутые легенды ни в Первую изложенную нами книгу, ни в заключительную главу, а (приводим их) отдельно и обособленно (конец кн. 1, без нумерации).

Хоренаци находит еще один способ воспроизвести желаемое заказчиком, но доведя это до пародии, сделав предметом насмешки как само предание, так и его ценителей:

По неприглядности лица он и род его наименовывает Ангелтун. Но если тебе угодно, я также могу наболтать о нем несообразное и неправдоподобное, наподобие персов, ... Да, чрезмерна легенда, поистине – легенда легенд. Но что тебе в том? (2, 8).

Аналогичным образом и построена глава *О легендах Пахлавиков*. Хоренаци пересказывает сюжеты архаичного иранского эпоса, записанные намного позднее Фирдуси, но именно как недостойные быть записанными *бредовые легенды* (2, 70). Тем самым то, что должно удовлетворить запросы адресата, в «Истории» выделяется как не-текст, либо будучи вынесенным из основного текста, либо как то, что не должно было войти в повествование: оно хоть воспроизводится, но в то же время маркируется как то, что *неуместно* для воспроизведения.

4. Заключение: диалог как сотворение равенства

Обобщим сказанное и вернемся к вопросу о модельном контексте «Истории». Исторический нарратив обрамлен происходящим здесь и сейчас диалогом между адресатом и адресантом, первым читателем текста. В ходе изложения в пересказе воспроизводятся вопросы и запросы князя и даются ответы историографа. Особой темой становится обсуждение интеллектуальных и культурных расхождений между князем-заказчиком и историографом-исполнителем. Хоренаци преобразует заказчика-патрона в собеседника и персонажа своего нарратива, изображая его как современника, ориентированного на чуждую автору культуру. Это позволяет автору в полемике с адресатом изложить и обосновать собственное видение истории и культуры. Создание подобного образа адресата, когда иранский слой в армянской культуре потерял прежнюю актуальность, а тяготевшие к Востоку Багратиды политически опирались уже на арабский мир, можно представить, если только приписать писателю технику письма XX в. Однако куда естественнее предположить, что Хоренаци не изобрел, а воссоздал образ своего младшего современника, реального Саака Багратуни. И главной целью и темой обрамляющего нарратив метатекста стала трансформация существующей в реальной жизни иерархии: не заказчик диктует свою волю нанятому им исполнителю, а автор преобразует заказчика в персонажа своего повествования, благодаря которому он может ясно выразить свои культурно-истори-

ческие установки и опровергнуть противоречия им заблуждения. Эта перевернутая иерархия – один из важнейших аспектов риторики и поэтики «Истории», благодаря чему акцентируется независимость и объективность историка. Вместе с тем – именно с высоты своего положения, ответив отказом на очередную просьбу князя, Хоренаци признает венценалагателя армянских царей равным себе – не как князя, претендующего считаться потомком богов, а как способного *сострадать* человека:

И ведь я – человек престарелый, немощный и непрестанно занятый переводами и думаю лишь о том, чтобы поскорее закончить (этот труд), а не заниматься тщательной отделкой изложения, чтобы и желание твое было исполнено, и я бы избавился от твоих настойчивых просьб и слов. Ибо считаю тебя человеком, сравнявшимся с нами (по умению) сострадать, не то что князья, близкие, как говорят поэты, к роду, племени и семени богов (3, 65).

(Для более правильного понимания следует учесть, что в оригинале Քիրքող обозначает не собственно *поэтов*, а *творцов, сочинителей*, а сама цитата «*князья близки к роду, племени и семени богов*» взята из армянского перевода комментариев Филиона Александрийского на Книгу Исхода [Халатяնц 1908, II, 135].)

Предшествующая диалогическая наррация подготовила то, что выраженная к концу повествования позиция – это не доходящая до дерзости ирония (или оформленная как ирония дерзость), а заданная автором и принятая адресатом контекстуальная рамка интерпретации. Предполагается, что именно так следует воспринимать «Историю» и читателю, наглядное выражение чему можно увидеть в миниатюре неизвестного художника XIV в. Историограф и князь изображены наверху, как равные, на той же горизонтали, но историк чуть выше князя, и вместо царской короны над ним нимб святого (см. рис. 1).

Рис. 1. Неизвестный миниатюрист. Св. Мовсес Хоренаци и Саак Багратуни. Матенадаран, «История Армении». Рукопись 2865 г. Источник: <https://timelessmoon.getarchive.net/topics/matenadaran+ms+2865+history+of+armenia> (дата обращения: 08.02.2025).

ИСТОЧНИКИ

- Хоренаци Мовсес. История Армении / пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. Ер.: Айастан, 1990. 291 с.
- Драсханакертци Иованнес . История Армении / пер. с древнеарм. М.О. Дарбинян-Меликян. Ереван: Советакан грох, 1984. 442 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Адонц Н.Г. «Начальная история Армении» у Себеоса в его отношениях к Трудам Моисея Хоренского и Fausta Vizantiiского // Византийский временник. 1901. Т. VIII, отд. 1. С. 64–105.
- Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана: Политическое состояние на основе нахарского строя. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1908. 526 с.
- 3 Джагацпянц Е.Д. Багратиды армянские. Багратиды грузинские // Золотой V век армянской культуры: Достижения. Мировое значение / отв. ред. Б.С. Зулумян. М.: Ключ-С, 2024. С. 328–334.
4. Золян С.Т. Механизмы конструирования национальной истории и исторической памяти в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 32–63.
5. Халатянц Г.А. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского: Опыт критики источников. Ч. 1. Исследование. М.: Тип. В. Гатцук, 1896. 346 с.
6. Халатянц Г.А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Опыт критики источников: в 2 ч. М.: Тип. В. Гатцук, 1908.
7. Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1979. 273 р.
8. Hakobyan A. «Gahnamat Azatats' Yev Tanuterants' Hayots» yev «Zoranamak» // Bazmavep, 2013. № 3–4. P. 485–550.
9. Hovannesyan P. Movses Khorenatsi ev Nikolay Adonts // Hayots' patmut'yan Harts'er. 2005. V. 6. P. 45–63.
10. Musheghyan A. Movses Khorenats'u dary. Yerevan: Yerevan State University Publishing House, 2007. 412 p.
11. Sahakyan A. Movses Khorenats'u «Hayots' patmut'ean» glkhakargumy vorpes bnagri verjin khmbagrut'yun // «Levon Khach'ikyan-90». Yerevan: Nairi Publishing, 2010. P. 226–254.
12. Thomson R. Introduction // Moses Khorenatsi's History of the Armenians / transl. and comm. by R.W. Thomson). Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1978. P. 1–62.
13. Zolyan S. On Semantic Tools of Construction of Historical Memory (in Movses Khorenatsi's History of Armenia) // Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method / ed. by E. Priupolina and T. Daniela. Lanham, Boulder, New York, London: Eckstein Rowman & Littlefield, Lexington books, 2023. P. 43–66.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

- Adonts N.G. “Nachal'naya istoriya Armenii” u Sebeosa v ego otnosheniyakh k Trudam Moiseya Khoreneskogo i Fausta Vizantiiorskogo [“The Initial History of Armenia” in Sebeos in its Relations to the Works of Moses of Khorenatsi and Faust of Byzantium]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1901, vol. VIII, part 1, pp. 64–105. (In Russian).
- Hakobyan A., “Gahnamat Azatats' Yev Tanuterants' Hayots” yev “Zoranamak” [“Gahnamat of Armenian Nobles and Princes” and “Zoranamamak”]. *Bazmavep*, 2013, no. 3–4, pp. 485–550. (In Armenian).
- Hovannesyan P. Movses Khorenatsi ev Nikolay Adonts [Movses Khorenatsi and Nikolay Adonts]. *Hayoc' patmowi'yan Harts'er*, 2005, vol. 6, pp. 45–63. (In Armenian).

4. Zolyan S.T. Mekhanizmy konstruirovaniya natsional'noy istorii i istoricheskoy pamyati v "Istoriu Armenii" Movsesa Khorenatsi [Mechanisms of Constructing National History and Historical Memory in Movses Khorenatsi's "History of Armenia"]. *Kritika i semiotika*, 2024, no. 1, pp. 32–63. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Dzhabagatspanyan E.D. Bagratidy armyanskiye. Bagratidy gruzinskiye [The Bagratids are Armenian. The Bagratids of Georgia]. Zulumyan B.S. (ed.). *Zolotoy V vek armyanskoy kul'tury: Dostizheniya. Mirovoye znachenije* [Golden 5th Century of Armenian Culture. Achievements. World Importance]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2024, pp. 328–334. (In Russian).

6. Sahakyan A. Movses Khorenats'u "Hayots' patmut'ean" glkhakargumy vorpes bnagri verjin khmbagrut'yun [The Table of Contents of Movses Khorenatsi's "The Armenian History" as the Final Edition of the Original]. *Levon Khach'ikyan-90* [Levon Khachikyan-90]. Yerevan, Nairi, 2010, pp. 226–254. (In Armenian).

7. Thomson R. Introduction. Thomson R. (transl., comm.). *Moses Khorenatsi's History of the Armenians*. Harvard University Press, 1978, pp. 1–62. (In English).

8. Zolyan S. On Semantic Tools of Construction of Historical Memory (in Movses Khorenatsi's History of Armenia). Priupolina E., Daniela T. (eds.). *Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method*. Lanham, Boulder, New York, London, Eckstein Rowman & Littlefield, Lexington books, 2023, pp. 43–66. (In English).

(Monographs)

9. Adonts N. *Armeniya v epokhu Yustinianu: Politicheskoye sostoyaniye na osnove nakhararskago stroya* [Armenia in the Era of Justinian: Political State Based on the Nakharar System]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1908. 526 p. (In Russian).

10. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington, Indiana University Press, 1979. 273 p. (In English).

11. Khalatyants G.A. *Armyanskiy epos v "Istoriu Armenii" Moiseya Khorenskogo: Opyt kritiki istochnikov* [The Armenian Epic in the "History of Armenia" by Moses Khorensky: Attempt to Criticizing the Sources]: in 2 parts. Part 1. Moscow, V. Gatsuk Publ., 1896. 346 p. (In Russian).

12. Khalatyants G. *A Armyanskiye Arshakidy v "Istoriu Armenii" Moiseya Khorenskogo. Opyt kritiki istochnikov* [Armenian Arsacids in the History of Armenia by Moses of Khorenatsi. Attempt to Criticizing the Sources]: in 2 pt. Moscow, V. Gatsuk Publ., 1908. (In Russian).

13. Musheghyan A. *Movses Khorenats'u dary* [The Age of Movses Khorenatsi]. Yerevan, Yerevan State University Publishing House, 2007. 412 p. (In Armenian).

Золян Сурен Тигранович,

Российско-Армянский университет, Ереван.

Доктор филологических наук, профессор, профессор Российской-Армянского университета.

Научные интересы: семиотика, поэтика, семантика, философия языка.

E-mail: [surenzholyan@gmail.com](mailto:surenzolyan@gmail.com)

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Suren T. Zolyan,

Russian-Armenian University, Yerevan.

Doctor of Philology, Professor.

Research interests: semiotics, poetics, semantics, philosophy of language.

E-mail: [surenzholyan@gmail.com](mailto:surenzolyan@gmail.com)

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792